

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ

В статье сделана попытка обосновать необходимость применения геополитических подходов в изучении мировой истории. Автор анализирует генезис отечественной парадигмы исторического образования с точки зрения её соответствия современным тенденциям цивилизационного развития. Обосновывается тезис о поступательном возрастании роли геополитики в современном мире, которое объективно вызывает необходимость изменения традиционных подходов при изучении всеобщей истории.

В работе предлагаются некоторые фрагменты новой геополитически ориентированной концепции содержания исторического образования, которые позволяют более детально определить существующие и перспективные модели мироустройства и взвешенно осмысливать в них свою национально-государственную и историческую идентичность.

В отечественной исторической науке обращение к геополитической теории приняло более или менее устойчивый характер только в 80-е – 90-е годы XX столетия. Но и тогда данный подход использовался крайне избирательно и касался прежде всего вопросов, связанных с политикой экспансионизма.

С 90-х годов геополитические концепции стали более активно применяться в качестве ключа к пониманию важнейших исторических процессов, происходящих в мире. Однако и тогда они использовались при описании лишь отдельных закономерностей, тенденций и факторов, текущих международных политических преобразований. В отдельных случаях – как единственно возможный и эффективный инструмент для раскрытия объективных причин конкретных исторических событий.

Одним словом, в обозначенный период в исторической науке были сделаны только первые серьёзные шаги к пониманию мирового порядка как контролируемого пространства. На это указывает и тот факт, что геополитика, как цельная самостоятельная учебная дисциплина, появилась в высших учебных заведениях только в эти годы.

Современная парадигма исторического образования не может быть полноценной без преодоления ограниченности традиционного географического детерминизма и перехода к использованию новейших теоретических изысканий в области геополитики и международных отношений.

Существовавшая в 40-е – 90-е годы XX века связь геополитики с историческим процессом базировалась на фундаментальных и неоспариваемых положениях, вытекающих из идеологического противостояния двух глобальных систем во главе с СССР и США. Исторический процесс, если и описывался при помощи геополитических категорий, рассматривался исходя из наличия фундаментальных политических констант:

— противостояния Запада и Востока не только как идеологических противников, но и как соперничающих друг с другом цивилизационных начал;

— объективной необходимости постоянного роста мощи государства как фактора обеспечения его выживания в этом соперничестве.

Само государство при таком подходе рассматривалось как территориально-пространственный феномен, у которого главной целью развития выступает обеспечение надёжного контроля над своими границами (а при возможности и расширения их), т. к. считалось, что простое географическое расширение контролируемого пространства автоматически приводит к возрастанию геополитического потенциала и всех его составляющих: военной, экономической, демографической, технологической и иных. Мощь государства рассматривалась в традициях

органистической геополитики Ф. Ратцеля и Р. Челлена, утверждавших в своих трудах объективную обусловленность политического могущества стран размерами их территории, ландшафтом, климатическими условиями, уровнем развития транспортных коммуникаций, плодородием почв и богатством геологических ресурсов. Соответственно, геостратегия государства выстраивалась исключительно в концепциях и категориях агрессии, завоевания, милитаризма, т. е. таких, которые отражают содержание деятельности и прогнозы по установлению (расширению) прямого военно-политического контроля над территориями. По сути, продолжавшаяся около полувека «холодная война» вполне достоверно иллюстрирует данный подход.

Следует признать, что в отечественной исторической науке конца XX – начала XXI веков все ещё продолжала господствовать без каких бы то ни было существенных изменений доктрина географического детерминизма, разработанная и получившая популярность ещё в конце XIX века. Предложенный в названии новой науки Р. Челленом префикс «гео-» выполнял роль своеобразного ориентира для исследователей и политиков-практиков на изучение прежде всего территориально-пространственного фактора, как определяющего не только ведущую роль государства в системе международных отношений, но и вообще в мировой истории.

Индивид при таком понимании рассматривался исключительно как пространственный феномен, сформированный под воздействием тех же пространственных факторов. Главным актором в геополитике считались государства, этносы, культуры, цивилизации. При изучении истории методологически это выглядело примерно так: чтобы установить зависимость конкретного человека от пространственно-территориальных детерминант, необходимо было прежде всего обратить внимание на характеристики сообществ, к которым он принадлежит ментально, и в рамках каких человеческих суперагломерациях он действует. Главной такой суперагломерацией, как и в прошлые исторические эпохи, позиционировалось именно государство.

Следует признать, что и сейчас, по прошествии уже довольно значительного времени после завершения «холодной войны», при рассмотрении современных исторических процессов многие авторы ещё по инерции исходят из дуалистических представлений о конфигурации мирового порядка. Более того, во многих работах продолжает доминировать мысль о том, что существующая система международных отношений проникнута и определяется противостоянием двух антагонистических, локализованных по геофакторам, начал – талассократического и теллурократического. К ним совершенно неуместно для современного цивилизационного этапа привязываются генетические свойства и характеристики народов и этносов. Для первых – это способность к адаптации, склонность к динамизму в развитии, инновациям, позиционирование в качестве приоритетов индивидуализма, автаркии, предпринимательства, свободной торговли. Как и в конце XIX века теллурократическим (сухопутным) державам, приписываются склонность к консерватизму, приоритет сомнительной стабильности над процветанием, традиционализма, иерархичности и коллективизма. На рубеже тысячелетий данная трактовка становится очевидно несовершенной и недостаточной, хотя роль самого геополитического подхода к объяснению исторических событий и тенденций стремительно растёт, а его использование становится объективно необходимым.

В XXI веке необходимо учитывать не только и не столько территориально-пространственные факторы, сколько возможности государств по диверсификации своих внутренних интересов и противостоящих им претензий на доминирование со стороны над- и транснациональных акторов мировой политики. Это позволит уйти в историческом анализе и от использования устаревшего принципа географического детерминизма, и от описательной методологии осмысления исторической реальности с преобладанием количественных характеристик.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ, данный эффект можно наглядно продемонстрировать на примере геоэкономики – одного из основных компонентов обеспечения геополитического доминирования и структурного элемента геополитики как науки. Сегодня при изучении истории важно учить понимать не только общие роль и содержание экономических факторов, но и видеть, как они влияют на неэкономические процессы.

Убедительным подтверждением данного вывода представляется тот факт, что в настоящее время достижение целей в международной политике обеспечивается в большинстве случаев не военными или собственно политическими методами и средствами, а экономическими (блокадами, санкциями, разнообразными по сценариям и технологиям осуществления ограничениями по торговле и т. п.). Имеются все основания предполагать, что в будущем использование таких средств будет только расширяться (количественно) и развиваться (качественно). Уже сегодня можно наблюдать картину, когда ряд государств провозглашает экономическую деятельность важнейшим ресурсом для реализации своих политических интересов и практически реализует это в самых разных уголках земного шара. Одним словом, содержание и роль современной геоэкономики состоит в том, что она, изменяясь, становясь всё агрессивнее и разнообразнее по средствам и технологиям, начинает активно теснить само государство, всегда воспринимавшееся ранее как основной субъект международных отношений.

Доказательством также может служить и однозначное признание всеми акторами мировой политики ведущей роли военных, технологических, информационных достижений. Существенно изменяется понимание демографического фактора, который в настоящее время преобразуется в реальную политическую не за счёт численности и темпов роста народонаселения, а за счёт возрастания качественных характеристик народов: культурно-образовательного уровня, способности эффективно адаптироваться к динамично меняющейся социальной, экономической, культурно-духовной реальности.

В современной истории геоэкономический принцип становится всё более объединяющим и доминирующим принципом, смещая с этих позиций принцип государствоцентризма. Этот переход нельзя считать чем-то принципиально новым. В истории можно найти достаточно много примеров, когда геополитические коллизии определялись не только государственной властью, но и иными субъектами. Например, таковыми в средние века были храмовые общины и торговые ассоциации. Все они управлялись собственными неогосударственными и надгосударственными органами власти, которые определяли структуру, функции и задачи данных объединений. В их и только их распоряжении находилась казна и вооруженные формирования, способные решать стратегические для своего времени задачи. Принцип же государствоцентризма в истории всегда незаслуженно слишком скромно оценивал роль и место негосударственных институтов в системе международных отношений, в том числе тех, которые способны были реализовывать геоэкономические функции.

Рассматривая роль геоэкономики в современном историческом процессе, естественным образом затрагиваются вопросы этногеополитики и проблемы границ между государствами. Согласно ратцелевской традиции, «движение» границ всегда служило индикатором геополитического могущества. Не отрицая данного вывода, имеются все основания полагать, что на данный момент проблема границ должна рассматриваться не столько в территориально-политическом аспекте, а сколько с точки зрения исторической и культурно-духовной совместимости этносов, способности их к нахождению и реализации эффективных, безопасных и взаимовыгодных практик комплементарности, функционирующих по принципу взаимодополняемости. Суть данного подхода лаконично выражена Ю. Бородаем: «...национальные границы призваны разъединять искрящиеся контакты, объединяя то, что совместимо, хотя бы в обозримой перспективе...» [1, с. 131–132].

Из него естественным образом выделяется ещё один параметр геополитического подхода – этногеополитический. Используя его при изучении истории, этносы могут рассматриваться не только как субъекты, занимающие определенную территорию, но и в разрезе их целенаправленной, мотивированной и структурированной деятельности в этом пространстве [2, с. 11]. В данном контексте этногеоцентризм становится преобладающим над принципом государственноцентризма: человек выступает главным фактором всего цивилизационного развития, а не только политики, носителем и создателем определённой культуры со своей уникальной идентичностью. Её критериями выступают явления и традиции, формирующиеся в условиях длительного взаимодействия целого ряда акторов – политических элит, институтов гражданского общества, частных инициативных ассоциаций. Таковыми, по мнению С. Хантингтона, являются:

— культурная самоидентификация – совокупность характеристик, воспринимаемых в обществе как признаки нации;

— языковые особенности, обеспечивающие внутри- и межэтнические коммуникации;

— государственно-политический статус территории;

— легитимация конституционно-правовых отношений;

— особенности экономического потенциала и его возможности по обеспечению автономного развития этноса [3, с. 236].

Важно учитывать, что как в истории, так и в геополитике проблема этнической идентичности относится к числу наиболее сложных и требует комплексного подхода. Здесь необходимо учитывать и факторы, которые на первый взгляд непосредственно не связаны с вопросами этнополитики: технологические, конфессиональные, миграционные, социально-профессиональные и другие.

Таким образом, геополитический подход в изучении истории, который включает в себя в том числе геоэкономический и этногеополитический компоненты, позволяет существенно расширить научный потенциал исторического образования, совместить и гармонизировать собственно геополитический анализ с хронологическим и политическим, учесть и объективно оценить особенности генезиса этносов, государств и их союзов, надгосударственных объединений в рамках пространственно-временного континуума. Кроме того, у исследователей появляется возможность использовать принципиально новые теоретико-методологические инструменты для изучения даже исторически отдаленных эпох, а также этносов, которые в рамках цивилизационного подхода остаются «незамеченными».

1. *Бородай, Ю.* Пути становления национального единства / *Ю. Бородай* // Наш современник. – 1995. – № 1. – С. 112–132.

2. *Платонов, Ю. П.* Этнический фактор. Геополитика и психология / *Ю. П. Платонов.* – СПб., 2002 ; Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. *П. А. Цыганкова, А. П. Цыганкова.* – М., 2005.

3. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / *С. Хантингтон* // Полис. – 1994. – № 4. – С. 33–48.

Danilov Y. D. Geopolitical Approach to the Historical Studies

The article attempts to justify the need for the use of geopolitical approaches in the study of world history. The author analyzes the genesis of the domestic paradigm of historical education from the point of view of its correspondence to modern trends of civilizational development. The thesis of the gradual increase in the role of geopolitics in the modern world is substantiated, which objectively causes the need to change traditional approaches in the study of universal history.

The work offers some fragments of a new geopolitically oriented concept of the content of historical education, which allow us to define in more detail the existing and future models of the world order and to carefully consider their national-state and historical identity in them.